

Ангел Богданович

Никитенко

как

представитель...

Ангел Иванович Богданович Никитенко как представитель обывательской философии приспособляемости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5671673

Аннотация

«...Разсматриваемый и оцѣниваемый съ этой точки зрѣнія, Никитенко представляетъ характернѣйшій образецъ обывательской приспособляемости. Бюрократъ до мозга костей, цензоръ, выслужившій въ цензурѣ полный пенсіонъ, и консерваторъ чистой крови, онъ въ тиши кабинета написалъ удивительную книгу, ужаснѣйшій доносъ потомству на бюрократію, цензуру и консерватизмъ. Родился онъ въ царствованіе Александра I, пережилъ всю николаевскую эпоху, шестидесятые годы и умеръ въ концѣ 70-хъ. Кажется, довольно смѣль и направленій, и настроеній...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

А. И. Богдановичъ Никитенко какъ представитель обывательской философіи приспособляемости

Въ августѣ исполнилось двадцать лѣтъ со дня смерти Александра Васильевича Никитенки, имя котораго если и извѣстно современному читателю, то лишь какъ автора единственной въ своемъ родѣ книги – «Дневника», озаглавленнаго авторомъ такъ: «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ». При жизни, однако, онъ пользовался почтенной и вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ хорошій профессоръ, добросовѣстной критикъ, академикъ и администраторъ. Но всѣ эти, такъ сказать, официальные стороны его дѣятельности пошли на смарку, натерлись и забылись послѣ появленія въ 80-хъ годахъ ¹ его «Дневника», въ которомъ Никитенко выступаетъ въ роли несравненнаго лѣтописца своего времени. Въ немъ изумленному обществу явился новый человѣкъ. Сбросивъ виць-мундиръ и отложивъ въ сторону всякое мірское попеченіе, Никитен-

¹ Въ «Русск. Старинѣ», а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Далѣе вездѣ цитируется это трехтомное изданіе.

ко перерождается и такъ основательно, какъ только можетъ русскій обыватель, который при исполненіи обязанностей — одно, а затѣмъ, «вымывъ руки», становится прямою противоположностью именно этимъ обязанностямъ.

Разсматриваемый и оцѣниваемый съ этой точки зрѣнія, Никитенко представляетъ характернѣйшій образецъ обывательской приспособляемости. Бюрократъ до мозга костей, цензоръ, выслужившій въ цензурѣ полный пенсіонъ, и консерваторъ чистой крови, онъ въ тиши кабинета написалъ удивительную книгу, ужаснѣйшій доносъ потомству на бюрократію, цензуру и консерватизмъ. Родился онъ въ царствованіе Александра I, пережилъ всю николаевскую эпоху, шестидесятые годы и умеръ въ концѣ 70-хъ. Кажется, довольно смѣнъ и направленій, и настроеній. Кажется, могъ человѣкъ хоть разъ высказаться, открыто стать «ошуйю» или «одесную», могъ, что называется, прорваться. Съ нимъ этого не случилось, онъ ко всему примѣнялся легко и свободно, съ паразитической гибкостью и даже не безъ своеобразнаго изящества. По крайней мѣрѣ, читая его «Дневникъ», эту глубокомысленную и остроумную характеристику его времени и современниковъ — и какихъ современниковъ! — читатель ни разу не испытываетъ чувства жгучей боли или стыда за автора, скорѣе, напротивъ — восхищается неуволимой дипломатіей и ловкостью, съ которою Никитенко, проскользнувъ между Сциллой и Харибдой, достигаетъ чина тайнаго совѣтника, званія академика и многихъ другихъ благъ и успокаи-

вається на лаврахъ, правда дешевыхъ, но все же лаврахъ. «Я не принадлежу никакой партіи», замѣчаетъ Никитенко по поводу академическихъ раздоровъ, гдѣ боролись «нѣмцы» и «русскіе». «Я прежде всего принадлежу моему убѣжденію, и только», гордо заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И всѣ партіи ухаживали за нимъ и считали его въ своихъ рядахъ. Быть внѣ партій значить служить самому себѣ – и только, и въ этомъ искусствѣ Никитенко не знаетъ соперниковъ.

Удивительна выдержка, съ которою онъ ведетъ свою лѣтопись, систематически, ежедневно, съ глазу на глазъ съ самимъ собой изливая накопившіяся въ немъ горечь и желчь неудовольствія и раздраженія противъ тѣхъ, предъ кѣмъ приходилось ему сгибаться, кому служить, чьи молча выносить обиды, глупости и капризы. Его «Дневникъ», это – кладезь приспособляемости и мудрой житейской опытности. Онъ въ равной мѣрѣ ладитъ съ Клейнмихелемъ, Уваровымъ и Ростовцевымъ, и отъ cadaго приѣмлетъ малую толику. Онъ не скрываетъ, что это ему доставалось не дешево. Онъ вѣчно заваленъ кучею дѣлъ, служить въ десяти разныхъ учрежденіяхъ, пишетъ десятки докладныхъ записокъ, сознавая ясно все ничтожество этихъ занятій, все ихъ бесплодіе и ненужность. Эта работа уподобляетъ его «каторжнику», какъ онъ съ горечью жалуется неоднократно. Въ то же время его влечетъ совсѣмъ въ иную сторону. «У всякаго общественнаго дѣятеля, – пишетъ онъ, – свои элементы силы, посредствомъ которыхъ онъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Эле-

ментами моей силы я считаю: мысль и слово, а не эрудицію. Мое естественное влеченіе обратить каѳедру въ трибуну» (Т. I, 418). А между тѣмъ, этотъ «трибунъ» – цензоръ. Трудно придумать болѣе роковое «стеченіе обстоятельствъ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.